

Отряд из шестидесяти человек был слишком приметным. Посоветавшись, старейшины решили разделиться: люди с восьми пиков разбились на четыре группы и двинулись поодаль друг от друга, чтобы в случае нужды вовремя прийти на выручку.

Спустя пять дней пути адепты Горы Тростника достигли Города Падающей воды, где планировали сделать передышку.

По легенде, когда-то в этих краях возвысился Властелин с редким корнем водной стихии, и с тех пор в городе бесконечно, изо дня в день, шел мелкий дождь. Едва миновав ворота, Чи Шэнь принялся украдкой оглядываться. Города Континента Высшего Истока даже среднего звена поражали размахом — здешнее процветание вполне могло поспорить с блеском столицы Сокровенного Истока.

Остановились в трактире. По заведенному порядку слуга должен был занимать одну комнату с господином. Именно поэтому большинство старейшин и не любили брать с собой помощников: толку от людей со слабым уровнем развития мало, а хлопот в пути — не оберешься. Куда проще путешествовать налегке.

В комнате оказалась лишь одна кровать. Раньше, когда Чи Шэнь звался еще Ван Сяобао, он привык спать с Сян Тянью под одним боком, но теперь, при нынешнем сословном различии, делить ложе было не по чину.

Вещей у обоих было немного — всё необходимое хранилось в яшмовых кольцах.

— Пойду попрошу у слуги еще одно одеяло, — сказал Чи Шэнь.

— Не спеши, — отозвался Сян Тянью, отпив чаю. — Гора Тростника и Пик Богини дружат сотни лет. Жаль, их ученицы придут в Город Падающей воды позже и встретятся с нами не сразу. Дорога выдалась скучной, пойдем лучше сначала в обеденный зал, набьем животы.

Об этом Чи Шэнь уже слышал в пути. На юго-западе Континента высился пик Богини, чья основательница была великим мастером, прославившимся на весь мир своей красотой и талантом. Обитель та из поколения в поколение давала приют слабым женщинам-практикам. Нынешнюю же главу, чье лицо в молодости было страшно изуродовано, в народе прозвали «Уродливой Матушкой-Землей».

Однако в юности она сочеталась браком с выдающимся талантом Горы Тростника, и тот не оставил супругу даже после того, как случилась беда. Благодаря этому союзу две великие школы сохраняли тесную связь по сей день.

— Даже если женщина лишилась красоты, мир не вправе давать ей подобные клички, — вполголоса заметил Чи Шэнь.

Сян Тянью покачал головой и усмехнулся:

— Никто и не осмелится бросить ей такое в лицо, если не ищет смерти. К тому же Матушка-Земля человек добросердечный, она и сама не берет это в голову, а ты уже поспешил за нее заступиться.

Они вышли в коридор. Сян Тянью хотел добавить слово, но дверь соседней комнаты распахнулась, и оттуда вышла девушка в наряде цвета лазури. На вид ей было около двадцати; черты лица обычные, но кожа — белее снега, что придавало ей особого очарования.

На поясе незнакомки висел меч, а от одежды и украшений исходила едва заметная аура сокровенной силы — явный признак практикующей. Встретившись с ними взглядом, она мягко улыбнулась Чи Шэню. В ее взоре читалось явное одобрение: должно быть, она слышала его слова о Матушке-Земле.

Чи Шэнь сдержанно кивнул в ответ и, не задерживаясь, спустился вслед за Сян Тянью в зал. Там уже заняли столы несколько старейшин и учеников их школы, но основную массу посетителей составляли бродячие практики.

За одним из столов расположились трое дюжих мужиков в серых одеждах и черных сапогах. Волосы их были небрежно подвязаны холщовыми лентами, а лица заросли густой щетиной. Старший из них, хлебая вино огромными глотками, зычно разглагольствовал:

— Этой уродине еще и трех сотен лет нет, а она уже так наловчилась в мастерстве! Если ей удастся пробиться в стадию управления силой, беды не миновать.

Один из его собутыльников, заметив недовольство товарища, воровато огляделся и хохотнул:

— Лицо-то ей сотню лет назад снесло, говорят, девицы на пике Богини как ее увидят — так душа в пятки уходит, а по ночам кошмары снятся! О муженьке ее и говорить нечего. Не будь она такой знатной да богатой, кто бы стал каждый день на это страшилище пялиться? Благо на той горе полно молодых да пригожих, говорят, этот Сунь Сянь каждую ночь в новую постель ныряет, за весь год ни разу не повторился!

Троица разразилась грубым хохотом.

— Что за пик Богини? — сквозь зубы выдавил один из них. — Как по мне, так форменный вертеп!

В зале послышались смешки, но многие лишь брезгливо морщились, выказывая презрение к неотесанным бродягам. Ученики Горы Тростника и вовсе повскакивали с мест, ударив по столам. Сунь Сянь был их соратником, и сносить подобные оскорбления в его адрес они не собирались.

Однако прежде чем старейшины успели вмешаться, вино в чашах за столом бродяг вдруг взметнулось вверх. В мгновение ока влага застыла, превратившись в острые ледяные шипы, и разом вонзилась обидчикам в глаза.

Те не успели даже охнуть. От силы удара все трое опрокинулись навзничь, с грохотом рухнув на пол. Ноги их нелепо задрались, зацепившись за табуреты — точь-в-точь перевернутые на панцирь черепахи. Зрители в зале покатались со смеху.

Главарь шайки, побагровев, отшвырнул стул и вскочил.

— Какая мразь это сделала?! — взревел он, озираясь. — Кто посмел глумиться над дедушкой?!

С лестницы донесся звонкий девичий смех. На ступеньках появилась молодая красавица. Оглядев зал, она посмотрела на верзилу:

— Эй, дедуля-пес! Я тут посмотрела... нет здесь твоих щенков, зря надрываешься!

Бродяга взвыл:

— Так это ты, дрянь, проучить меня вздумала?! Ну, держись!

Девушка усмехнулась.

— «Проучить»? Это была лишь разминка. За то, что посмели поганить имена Матушки-Земли и ее супруга, за вашу грязную ложь о наших сестрах — я вам сегодня языки по самые корни вырву!

Она взмахнула рукой, и всё вино на столах превратилось в морозные иглы, градом полетевшие в бродяг. Те, впрочем, были не только на язык остры: сверкнули клинки, и ледяные снаряды рассыпались крошечками, не достигнув цели.

— Довольно.

Из коридора вышли еще десятка полтора женщин. Все как на подбор — красавицы, в ярких одеждах, от которых рябило в глазах. Лишь та, что шла впереди, выделялась строгостью: на ней была бежевая куртка с узкими рукавами и серые дорожные штаны, заправленные в сапоги из звериной кожи. Ее лицо скрывала деревянная маска — искусная работа, в которой были прорезаны лишь узкие щели для глаз.

Чи Шэнь невольно засмотрелся. Резьба на маске была странной, а цвет дерева почти сливался с цветом кожи. Поначалу это вызывало лишь смутное беспокойство, но стоило всмотреться дольше, как маска начинала казаться истинным лицом женщины. Возникло жуткое

ощущение, будто весь мир вокруг меркнет, и нет ничего, кроме этого деревянного лика, мерно покачивающегося перед глазами.

Внезапно шею пронзила резкая боль. Чи Шэнь охнул, и наваждение рассеялось. Он заметил, как Сян Тянью отводит руку — тот спас его, вовремя приведя в чувство.

— Какая сильная техника, — прошептал Чи Шэнь, переводя дыхание. — Неужто господин знает, кто она?

В этот момент женщина в маске посмотрела прямо на Сян Тянью, и они обменялись едва заметными кивками.

Чи Шэню стало не по себе. «Похоже, они старые знакомые, — подумал он с уколом ревности. — Оказывается, у Сян Тянью связи не только на Неподвижном пике, но и по всему свету».

Адепты Горы Тростника сгруппировались. Один из старейшин шагнул вперед и с явным почтением обратился к прибывшей:

— Фея Мэй, не стоит тратить время на это отребье. Проще вышвырнуть их вон, чтобы не портили воздух.

— Тьфу! — главарь бродяг, видя, что женщина в маске помешала своей ученице нанести удар, обнаглел окончательно. — Что за порядки на пике Богини? Матушка ваша лица не кажет, неужто и ты, Мэй, такая же страшила?

Голос Мэй Цунхань остался холодным, лишенным всяких чувств:

— У вас есть выбор: убраться отсюда сейчас или остаться здесь навсегда.

Верзила с грохотом вернул стул на место, широко расставил ноги и вызывающе уселся, ослабившись:

— Дедушка никуда не пойдет. Буду сидеть здесь, пить и жрать. И что ты мне сделаешь?

Ученица, начавшая потасовку, снова вспыхнула, но Мэй Цунхань спокойно ее остановила:

— Пустое. К чему гневаться на пустые слова? Кровь и крики лишь потревожат невинных. Просто не обращай на них внимания.

— Ха-ха! — бродяга победно вскинул чашу в сторону маски. Ему и самому не хотелось доводить дело до настоящей драки с такой грозной силой, поэтому он охотно принял этот «мирный»

исход. — Вот это я понимаю — милосердие! Не зря говорят, что девицы пика Богини чисты сердцем. Обиженных на вашу школу по всему миру полно, если на каждого лаять — жизни не хватит. Проще посмеяться и разойтись миром, верно?

Мэй Цунхань больше не удостоила его даже взглядом. Она направилась напрямик к столу Сян Тянью. Пока Чи Шэнь наблюдал за ней, он с удивлением заметил, что ни одна из ее спутниц не выказала ни тени недовольства решением наставницы. Даже та вспыльчивая девица послушно промолчала.

Женщина в маске присела за их стол, но не стала заказывать ни еды, ни питья. Она вела с Сян Тянью неспешную, отстраненную беседу. Остальные посетители, успевшие на себе почувствовать мощь маски Феи Мэй, теперь даже боялись поднять глаза в их сторону.

Когда Чи Шэнь закончил трапезу, Сян Тянью и Мэй Цунхань тоже завершили разговор. Группа начала подниматься, направляясь к лестнице. Чи Шэня не покидало какое-то странное, зудящее чувство. Он машинально оглянулся на стол притихших бродяг и едва не споткнулся на ровном месте.

Трое здоровяков застыли в нелепых позах: один всё так же заносил чашу, другой сжимал палочки, а третий замер, наполовину приподнявшись со стула с выражением застывшего ужаса на лице.

В них не осталось ничего живого. Тела их, плоть и кровь под одеждой исчезли, превратившись в три искусно вырезанных, пугающе правдоподобных деревянных истукана.

<http://bllate.org/book/17417/1662643>